

Тува вчера, сегодня, завтра

О ДВУХ ЭКСПЕДИЦИЯХ В ТОДЖУ

М. В. Монгуш

Аннотация: Статья посвящена двум научным экспедициям в Тоджинский район Республики Тува. Первая — английская экспедиция под руководством Д. Каррутерса состоялась в 1910 г.; вторая — международная экспедиция под руководством японского профессора Ю. Конагая — в 2012 г. Автор сравнивает результаты этих поездок, а также исследует особенности образа жизни и культуры тоджинских оленеводов.

Ключевые слова: Тува, тоджинцы, оленеводы, научный туризм, экспедиция Каррутерса, малочисленные народы Сибири.

Английская экспедиция Д. Каррутерса 1910 года

В 1910 году Туву посетила английская экспедиция под руководством Д. Каррутерса. Она состоялась при непосредственной поддержке Королевского Географического общества Великобритании. В ее состав кроме руководителя входили еще два человека — М. П. Прайс и Ж. Х. Миллер. Тува в это время находилась в двойственном положении. С одной стороны, она номинально продолжала находиться в составе Цинской династии Китая, с другой — начала испытывать сильное влияние Российской империи, чья позиция в Центральноазиатском регионе начала постепенно усиливаться.

Маршрут английской экспедиции был длинным и сложным; на его осуществление потребовалось ни много ни мало 20 месяцев. «Внимательное изучение трудов всех путешественников, ранее нас посещавших отдаленные части Центральной Азии, — пишет Каррутерс, — убедило нас в том, что здесь остался еще один, по крайней мере, район, который заслуживает специального изучения. Район этот составляют земли, омываемые истоками Енисея, Северо-Западная Монголия и Джунгария, ознакомление с которыми дает богатый материал для научных работ. Все это огромное пространство представляет из себя один из тех немногих районов, в изучении

Монгуш Марина Васильевна - доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Тувинского института гуманитарных исследований, ведущий научный сотрудник
Российского института культурологии.

которого англичане не принимали до сих пор никакого участия, предоставив в этом отношении первенство русским» (Каррутерс, 1914: 1).

Экспедиция, таким образом, имела вполне конкретную цель, которую Каррутерс определил следующим образом: «Главной своей задачей мы поставили себе изучить с возможной полнотой район, охватывающий малоизвестные доселе истоки реки Енисея... Здесь, в окруженном горами бассейне, совершенно отрезанный как от долин, так и от мрачных нагорий Монголии, защищенный от вторжения людей поясом дремучего леса и суровых приграничных вершин, расположен район, крайне интересный как для географа, так и для натуралиста. Он представляет из себя последнее крепкое убежище туземных племен Южной Сибири — племен, оттиснутых в глубины лесного уединения. Здесь, в бассейне верхнего Енисея, живут урянхайцы, эти дикие «лесные обитатели», ведущие еще и в настоящее время жизнь весьма близкую к окружающей их природе» (там же: 2). О том, как и в каких условиях проходила эта экспедиция, он пишет следующее: «Всю эту работу удалось совершить лишь ценою больших лишений и запасшись предварительно терпением. Быстрые переходы по таким странам невозможны. Медленное шествие за ползущим по бесконечным степям караваном верблюдов, короткие перегоны в китайских повозках, в течение еще более коротких зимних дней, по китайской большой императорской дороге, или передвижение со скоростью пяти миль в сутки по густому лесу, растущему вдоль сибирской границы, свидетельствуют о том, что наше путешествие было весьма и весьма не из легких» (там же: 4).

Маршрут экспедиции пролегал через несколько стран. Выехав из Лондона, команда прибыла в Ригу. Отсюда она направилась в Центральную Азию — в Туву, затем в Монголию, Китай и Восточный Туркестан. Далее путь англичан пролегал через Индию. Завершила свою работу экспедиция в индийском городе Мумбае (бывший Бомбей. — М. М.), откуда выехала обратно в Лондон. Команда проделала путь даже по нашим современным понятиям долгий и сложный. А если учесть скромные возможности транспортных сообщений того времени, то становится понятным, почему на экспедицию ушло почти два года.

Лорд Керзон, давший в начале книги Каррутерса отзыв на нее, признает, что автору удалось сделать невероятно много. Будучи человеком, обладающим «неистощимым запасом энергии», он сумел вместе с сопровождавшими его Ж. Х. Миллером и М. П. Прайсом, не только нанести на карту данный регион, собрать богатую коллекцию образцов флоры, фауны

и геологии страны, что и так входило в цели и задачи экспедиции, но также написать книгу, «которая в течение долгого времени будет служить классическим трудом» для исследователей Центральной Азии. За это путешествие и отчет о нем Каррутерс в 1912 году был удостоен Золотой медали Королевского Географического общества Великобритании. В историю он вошел как «истинный азиатский путешественник», описавший в своем труде «два самых счастливых года своей жизни» (Отзыв о труде..., 2007: 14).

По признанию самого Каррутерса, в Туве ему «пришлось пережить настолько ярких впечатлений, что словесное их описание не может дать сколько-нибудь полные представления о них» (Каррутерс, 1914: 154). Ему на тот момент было всего 29 лет; он был самым молодым иностранцем, покорившим центр Азии.

Здравствуй, Тоджа!

15 июня 1910 года экспедиция направилась в Тоджинский кожуун. Англичан здесь в первую очередь интересовали «туземцы-оленоводы», которые «составляют очень незначительную часть всего урянхайского племени» и «меньше всего подверглись всяким внешним влияниям и более других своих со-

родичей сохранили своеобразие и чистоту типа, языка, религии и образа жизни» (там же: 125, 132).

Тоджа — единственный район в Туве, где географические и природно-климатические условия максимально приспособлены для ведения оленеводства. Он же и самый большой из 17 кожуунов республики. Общая территория его составляет 44,8 тыс. кв. км, то есть 26,2% от всей площади республики; плотность населения — 1 человек на 10 кв. км. Район со всех сторон окружен высокими горными хребтами. Равнинная часть земли местами болотистая, 62% территории покрыта густым лесом, что составляет 41% лесного фонда республики. Температура летом здесь колеблется от +17 до +35; а зимой от -18 до -50 градусов по Цельсию. Влажность при этом низкая.

Англичанам, до этого уже имевшим представления о том, как разводят оленей в Северной Европе, непременно хотелось узнать, как это делают в Центральной Азии. «Наша встреча с урянхайцами (тоджинцами. — М. М.) ознаменовалась весьма забавным происшествием, заслуживающим особо быть отмеченным, — пишет Каррутерс. — Чтобы иметь друга во время долгого путешествия, я еще в Сибири купил собаку, которая за ее способности хорошо охотиться на белок, носила русское имя Белка. Это была совершенно белая собака, из породы высоко ценимой в Сибири охотниками за мехами и широко используемой на почтовых трактах для запряжек в правительственные почтовые повозки. В продолжении нашего путешествия ей предоставлена была полная свобода проявлять свой охотничий инстинкт... Она ловила крыс и мышей на всем пути от Енисея до Китайского Туркестана... » Однажды Белка почуяла запах какого-то зверя и начала охоту на него. Вдруг неожиданно перед ней оказался белый олень. «Результат получился ошеломляющий; олень начал улепетывать, а за ним помчалась и моя собака; верховой урянхаец, который вслед затем появился из лесной чащи, последовал за ними в горячую погоню. К счастью, олень обогнал своего преследователя..., собака оказалась сбитой с истинного следа, и мы случайно сделались друзьями с пастухом, который казался не менее пораженным, чем были поражены мы сами. Знаками мы убедили его проводить нас до его жилища, и он, проведя нас по боковой линии, носящей наименование Ала-Суйской, скоро привел нас к очаровательному лугу, раскинувшемуся между холмами, где на залитой солнцем мураве, под тенью леса сгруппированы были островерхие шалаши или вигвами лагеря урянхайцев. Мы проследовали по долине, направляя свой путь между группами оленей и пугая своим внезапным и странным появлением многочисленных молодых урянхайцев — пастухов и, в конце концов, подошли к самому лагерю» (там же: 130–131).

В лагере оленеводов

Далее события развивались весьма прозаично. Англичане разбили временный лагерь рядом с оленеводами. Последние встретили иностранных гостей более чем дружелюбно, они помогли им распаковать груз и за умеренную плату обеспечили их продуктами питания. «По первому впечатлению мы не заметили никаких признаков исключительности, а также боязливости, которые обычно приписываются урянхайцам; — пишет Каррутерс, — напротив, попав к ним внезапно, прямо из леса, мы были ими встречены как любопытные и интересные посетители, которые довольствовались тем только, что раздавали им подарки, не требуя за эти

подарки ничего взамен, и которые тратили большую часть своего времени на поднятие своих «магических ящичков» или на разглядывание солнца, как они объяснили себе наше старание наделать как можно больше фотографических снимков и произвести как можно больше астрономических наблюдений». «Трудно описать то невольное и сильное чувство восторга и огромного удовлетворения, какое испытываешь неизменно при виде обстановки жизни и уголка на земной поверхности, которые еще совсем не развращены победоносным шествием цивилизации, и которые в то же время сохранились во всей прелести своей первобытной простоты». «Мы провели в этом лагере несколько дней, стараясь извлечь как можно больше пользы от обстоятельств, в которых очутились» (там же: 131–133).

Лагерь местных жителей состоял из 27 чумов, раскиданных группами по прекрасному луговому пространству, поднимающемуся свыше чем на 3500 футов над уровнем моря. Такая уединенность и отрезанность от внешнего мира этой небольшой горстки «лесного племени» произвела на англичан огромное впечатление. «Народец, среди которого мы очутились, принадлежал к клану Тойи» (Тожу. — М. М.) и Марди (Маады. — М. М.)», — пишет Каррутерс. Далее он подробно описывает антропологические и этнографические особенности тоджинцев: их «можно скорее назвать низкорослыми, худощавыми и юркими, благодаря чему они кажутся проворными и ловкими»; «некоторые из них производили впечатление сильных и хорошо сложенных людей»; согласно измерениям Прайса, «средний рост мужчины колеблется от 5 футов 4 дюймов до 5 футов 6 дюймов, а женщины — от 4 футов 6 дюймов до 4 футов 7 дюймов»; у них «наблюдается поразительное разнообразие типов даже и среди членов одного и того же лагеря»; «среди них встречаются особи с ярко выраженным монгольским типом, тогда как другие, наоборот, поражают совершенным отсутствием признаков омонголения»; они «отличаются темными прямыми и реже нежными волосами; иногда светлые и даже каштанового цвета волосы не представляют среди них исключения; основными чертами их характера являются «боязливость, застенчивость,

осторожность, независимость, боязнь вторжения и суеверие». Каррутерс признается, что им до этого ни разу «не приходилось видеть такое племя, обиход жизни которого так полно соотносывался бы с окружающей его местностью»; в этом районе «единственным домашним животным, годным для использования его человеком в практических целях, является олень»; вокруг этого лагеря «разгуливало до 600 голов этих своеобразных животных» (там же: 134–135, 228–229).

Добывание оленя

Одной из важнейших целей английской экспедиции было изучение тувинской породы оленей. Этим вопросом скрупулезно занимался Миллер. По всей вероятности, он был либо ветеринаром, либо зоологом. Сам Каррутерс признает, что всеми сведениями, касающихся этих животных, он обязан именно Миллеру. В частности, мы находим следующие сведения о них: в жаркие дни эти животные «задыхались даже и под тенью сосен», зато в облачную погоду «они весело разбредались по лугам и паслись в полное свое удовольствие». Поскольку «номады не утруждают себя заботами о выпасе оленей», те с наступлением сумерек «сами возвращаются с пастбищ не только просто к лагерю, но даже к определенным палаткам своих настоящих хозяев»; вечером женщины дают им «по маленькой порции соли, которую последние в это время едят весьма охотно».

Англичан интересовало, не случается ли так, что домашние олени, случайно отбившись от стада, примыкают потом к диким; но на это им «туземцы» ответили, «что их олени, встречаясь с дикими оленями, обычно пугаясь и теряясь, никогда не смешиваются с последними». В то же время Каррутерс отмечает, что тувинцы-тоджинцы не отказывают себе в удовольствии охотиться на диких оленей, однако они никогда не ловят их живыми и тем более не стараются приручить их. Из этого он делает следующее предположение: «В диком состоянии олень водится в небольшом количестве в отрогах Саянских гор; здесь он

представляет из себя, вероятно, остатки некогда больших стад, в давно прошедшие времена служивших источником, из которого мало по малу образовалась прирученная в настоящее время порода, принадлежащая урянхайцам» (там же: 136–137).

Обуреваемые желанием увидеть дикого оленя, англичане «путем осторожных уговоров и ценой подарков», какими являлись сжатый порох, табак и ножи, уговорили двух местных мужчин проводить их до долины реки Чапсы, где находилось убежище диких оленей. При этом они также «руководствовались тайным намерением попутно исследовать этот район и в то же время решить некоторые другие естественно-исторические вопросы». Однако вскоре англичанам пришлось убедиться в ненадежности тувинских проводников, решительно отказавшихся сопровождать их до конечной точки. Предложенное вознаграждение, «которое могло бы соблазнить корыстолюбие любого заурядного оленьего пастуха», оставило их равнодушными. Участникам экспедиции пришлось продолжить путь без проводников (там же: 137–139).

Увидеть стадо диких оленей англичанам так и не удалось. «Возвращаясь однажды после долгой дневной экспедиции пешком, уже к вечеру я увидел внезапно оленя... — пишет Каррутерс. — Пасясь и передвигаясь с места на место среди обильной высокой травы, искоса освещенной лучами заходящего вечернего солнца, он казался совершенно чистым, белым пятном на зеленом фоне. На этот раз я был безоружен и потому не мог помешать оленю невозмутимо прогуливаться. На следующее утро на рассвете мы вернулись к этому месту с Миллером, который найдя оленя в том же самом положении, решил к нему подкрасться, но потеряв целый день, так и не смог это сделать — настолько трудны были условия местности. Это был единственный случай, когда мы видели дикого оленя» (там же: 144).

Потеряв надежду поймать дикого оленя, англичане решили приобрести домашнего оленя. После долгих переговоров с оленеводами Миллеру все же удалось купить у них это животное. Об этой сделке Каррутерс сообщает следующее: «Несмотря на то, что стада оленей у туземцев излишне велики для удовлетворения их потребностей, а также на отсутствие спроса на оленя извне, вследствие чего они не имеют никакой рыночной цены, урянхайцы чрезвычайно неохотно соглашались расстаться даже с одним из этих животных. Предложение цены значительно превышавшей действительную стоимость оленя не имело никаких практических результатов. [...] шиллинговая плата не вызвала никакого соревнования

между различными содержателями палаток, благодаря чему не удалось несколько уменьшить цену сделки. Очевидно среди урянхайцев деньги не пользуются еще вовсе уважением. Все наши торговые товары полностью пришлось выложить в соблазнительном ряду с тем, чтобы повлиять на воображение какого-нибудь прохожего урянхайца — пастуха; но несмотря на то, что ножи, иглы, мыло, музыкальные инструменты, раскрашенные бусы и автоматические зажигалки для трубок очень занимали туземцев, они отнюдь и не думали считать все эти предметы стоящими хотя бы одного оленя. Некоторые тщеславные старые женщины сильно интересовались полотнищами красного и желтого бархата, но они не могли ничего предложить на них взамен кроме оленьего молока, которое и мы без того получали по определенной нами цене в три иглы, или в три безопасные булавки, за чашку. Как никак, но прекрасный экземпляр домашнего оленя был в конце концов приобретен, убит и с него Миллером снята шкура» (там же: 149–150).

Впечатления о тоджинцах

Англичане были поражены крайней неприхотливостью оленеводов. Они производили впечатление людей, которые для удовлетворения своих нужд полагаются исключительно на дары леса и природы; казалось, ничто не нарушает их спокойствия, «кроме злонамеренных козней злых духов в отношении принадлежащих им стад», а потому наслаждаясь своим уединением, они не обнаруживали ни малейшего желания покидать свои места. Жизнь им не казалась тягостной: они владели огромными пастбищами, умели добывать пищу и обеспечивать себя всем необходимым. И даже внешних врагов у них не было.

О неприхотливости тоджинцев в быту Каррутерс пишет: «...только проникнув в закоптелые дымом шалаши и познакомившись с предметами их одежды и домашней утвари, мы окончательно поняли, насколько полна их зависимость от природы. Все шалаши были покрыты кусками березовой коры, сшитыми вместе в виде заплат и поддерживалась еловыми шестами. Внутренность шалашей поражала пустотою, так как не заключала в себе ничего, кроме домашней утвари, сделанной из березовой коры и оленьих шкур, охотничьих и сбруйных принадлежностей, а также тяжелых зимних одежд, состоявших из тулупов и грубых одеяний, сшитых из оленьих шкур. Случайно нам удалось увидеть здесь также русский котел и горшок для варки, хотя нигде в других частях Центральной Азии нам не удавалось наблюдать такого незначительного влияния извне, как это можно было заметить здесь» (там же: 135).

В лице оленеводов-тоджинцев англичане обнаружили совершенно особую группу, которая, с одной стороны, как бы и являлась частью тувинского народа, с другой — имела ряд отличительных признаков в хозяйственном укладе, антропологическом типе, фольклоре и даже в психологическом складе. В литературе неоднократно отмечается, что тоджинцы отличаются от жителей других районов Тувы своим языком и обычаями, они «не представляют строго определенной расы», «среди них можно встретить как типичные европейские лица, так и монгольские, а также разные переходные степени», а честность у них «поразительная и это сильно отличает их от урянхов (тувинцев. — М. М.) всех других хошунов» (см.: Традиционная культура..., 2003: 175–177).

Основные промыслы

Помимо оленеводства тоджинцы занимались также собирательством, охотой и рыболовством. Собирательство имело весьма существенное значение в их жизни и оно было довольно разнообразно в видовом отношении. Объектами собирательства являлись употребляемые в пищу дикорастущие плоды, ягоды, орехи, семена и зерна злаков и других трав, корни и корнеплоды, стебли, молодые побеги, листья, почки, цветы, мягкая сердцевина деревьев и пр. Каррутерс отмечает, что летом тоджинцы пьют оленьё молоко, в дополнение к нему употребляют кандык, растение из породы лилейных, который выкапывают с помощью мотыги; зимой ограничиваются копченым мясом дичи и кореньями, растолченными в порошок. Оленьё мясо — редкое лакомство, «так как убой этих животных считается расточительностью», его заменяет мясо любой дичи, добытой на охоте (там же: 232–233).

Охота — не только способ существования, но и, как считает Каррутерс, способ «проявления хитроумного искусства туземцев». Он пишет: «В своем грязной кожаном неопределенного цвета одеянии, с головой, повязанной чем-то вроде старого носового платка, и в мягких меховых

мокасиновых, урянхаец-охотник ухитряется пробираться так же неслышно и незаметно по лесам, как это делает и та дичь, за которой он охотится. К такому образу жизни он приучается с детства; в тайге он чувствует себя не хуже, нежели в своем родном вигваме»; «Совершенно не редкость наблюдать здесь, как пара другая мальчуганов, не достигших еще и четырнадцатилетнего возраста, отправляется из лагеря на охоту, которая длится нередко по нескольку дней. Верхом на своих юрких лошадках они углубляются в лесные чащи, не имея ничего с собой, кроме одетой на себе одежды, перекинутых за спинами ружей, мешков с закисшим оленьим или кобыльим молоком, привязанных к седлам»; «Ружья, употребляемые туземцами, ... отличаются... длинными, привязанными к передней части стволов в виде поддержек, вилками... величина этих поддержек... обуславливается густой и буйной растительностью, поверх которой им приходится здесь обычно стрелять»; «Собаки, которых мы видели в урянхайских лагерях, совершенно особой породы и проявляют, как говорят, замечательные охотничьи способности. Они представляют из себя тощих, небольшого размера, лукавого вида животных с остроконечными ушами и заостренными мордами (носами). Почти возле каждой палатки было привязано обычно по одной такой собаке, и мы смело можем заверить, что все они превосходные сторожа. С этими-то собаками охотники-туземцы прекрасно выслеживают и преследуют соболей, куниц, лисиц, рысей и векш (белок)» (там же: 239, 241).

Что касается рыбной ловли, жители Тоджи являются чуть ли не единственными знатоками этого дела, в то время как основная часть тувинского населения равнодушна к этому промыслу. За это их другие прозвали «озерным народом». Наиболее предприимчивые из них ловили рыбу в Тожу-холе главным образом для продажи сибирским переселенцам. Сами же они рыбу употребляли редко и в небольших количествах. Равнодушие тувинцев к рыболовству Каррутерс объясняет их полным неумением использовать реки и озера в качестве транспортного сообщения. В результате они «не сумели возвыситься до примитивного искусства постройки лодок и, будучи замечательными знатоками в использовании бересты, даже никогда не пытались соорудить челноков из этого материала» (там же: 242–243).

Международная экспедиция 2012 года

Почти век спустя благодаря инициативе, а также финансовой поддержке Национального музея этнологии (г. Осака, Япония) была организована совместная японско-китайско-монгольско-российская экспедиция

в Республику Тува. Основным районом, который интересовал участников экспедиции и который они посетили, был Тоджинский.

Почему опять Тоджа? Потому что оленеводы-тоджинцы до сих пор продолжают оставаться одной из интересных и активно исследуемых этнографических групп тувинского населения.

Японскую сторону в экспедиции представляли заместитель генерального директора музея, профессор Широ Сасаки, директор департамента социальных исследований, профессор Юки Конагая, оператор Киеказу Иномото, звукорежиссер Хазуки Андо; китайскую сторону — профессор Центрального университета национальностей (Пекин) Сарангерел; монгольскую — профессор Монгольского национального университета науки и технологии Ичинхорлоо Лхагвасурен. Российскую сторону представляла автор настоящей статьи.

Наша экспедиция состоялась в августе 2012 года. Большую организационную помощь в ее осуществлении оказала дирекция Тувинского инсти-

тута гуманитарных исследований в лице заместителя директора Евгения Докуровича Монгуша, которому выражаем искреннюю благодарность.

Нашей основной целью было посещение оленеводческих стоянок, знакомство с современной жизнью оленеводов-тоджинцев. Главной трудностью и большим испытанием для нас стал путь, который предстояло пройти. Предварительно набрав запасы продуктов, а также собрав личные походные принадлежности (палатки, спальные мешки, посуду, средства от комаров), мы из Кызыла на машине двинулись в направлении Тоджи.

Доехали до местности под названием «Ак Хем», где пересели на лошадей, заранее подготовленных и снаряженных для нас табунщиком Сайыном. Если зимой до оленеводов можно добраться на снегоходе «Буран», то летом — только на лошадях. Мы об этом были предупреждены заранее. И естественно морально и материально готовились к этой поездке.

Держаться на лошадях мы учились по ходу. По ходу же снимали этнографический фильм и делали необходимые записи. На ночь ставили палатки и жгли костры, чтобы приготовить еду. Было непросто, но обураваемые искренним желанием собрать этнографический материал, мы молча, стиснув зубы, преодолели все трудности, которые встречались на нашем пути.

В гостях у Кырганаев

Нашими непосредственными гидами и помощниками в Тодже были местные оленеводы Сергей Кырганай и два его сына — Андрей и Данил. Наш низкий поклон им за мужество, терпение и заботу о членах экспедиции.

Мы посетили их летнюю стоянку, которая находилась высоко в горах в местности под названием «Аалдыг Ажык». Нас впечатлило буквально все: величественная и бескрайняя тайга, живописные пейзажи, изумрудные луга, незатейливый быт оленеводов, их стойкий характер и умение преодолевать любые трудности, которые им преподносит Матушка-природа.

На наш вопрос, почему хозяйство Кырганая состоит только из мужчин, старик ответил: «Несколько лет назад я

овдовел, после смерти жены скончались и две дочери, нас осталось только трое. Все женские обязанности легли на наши плечи». В их стаде насчитывалось пятьдесят голов северного оленя; пасти их помогали две собаки. Олени паслись вдоль долины реки Ойна, одного из притоков реки Ак Хем, которая течет в Енисей. Лошадей у Кырганаев не было, роль транспортных животных у них выполняли олени. Их, как и лошадей, седлают.

Коров также не было. Вместо коровьего молока оленеводы употребляют оленьё, которое отличается высоким содержанием жира. При доении самка дает не более 500 мл молока. Для достоверности один из сыновей Кырганая продемонстрировал нам этот процесс. Из полученного молока мы сварили чай и попробовали на вкус: он отличался от чая с коровьим молоком, был более густым и питательным.

Когда жива была супруга Кырганая, она из оленьего молока изготавливала масло и сыр. Масло в основном расходовалось в семье, а излишки сыра шли на продажу. Это приносило небольшой доход в семейную казну.

Со слов старшего Кырганая мы узнали, что в советские времена тоджинцы имели свыше 12000 голов северного оленя. У них были колхозы и фермы, где выращивали это животное. Республиканское правительство всячески поддерживало данное направление хозяйства, платило ежемесячную зарплату оленеводам, организовывало пункты продажи продукции оленеводства (шкур, мяса, пантов, сыра, масла), обеспечивало местное население транспортными средствами для перевозки продукции и т. д.

В наши дни оленеводы уже не получают зарплату, они не обеспечены транспортом, не имеют медицинской помощи. Единственное, чем их обеспечивает правительство, так это небольшими субсидиями для поддержания оленеводства. Кырганай получают 2000 рублей за одного оленя в год. Этих денег едва хватает на прожиточный минимум. Чтобы прокормиться, им приходится дополнительно заниматься охотой, рыболовством и собирательством.

Однако Кырганай считает, что положение тувинских оленеводов намного лучше по сравнению с положением оленеводов Эвенкии, где были применены весьма неудачные попытки приватизации оленьих стад наряду с домашним скотом. Эвенкийские олени считаются дикими, и в силу этого их практически невозможно приватизировать, в то время как тоджинские олени более одомашненные. Поэтому тоджинские оленеводы сумели удержать свои стада даже несмотря на серьезные экономические трудности после распада СССР.

Находясь в гостях у Кырганаев, мы снимали их повседневную жизнь на фото и видеокамеру, брали интервью у каждого члена семьи. Благодаря этому общению, нам удалось получить представление о современной жизни тоджинских оленеводов, о тех проблемах, с которыми им приходится сталкиваться, об их особом статусе и многое другое. Впрочем, обо всем этом следует рассказать более подробно и обстоятельно.

В основу статьи легли не только наши собственные полевые материалы, но и результаты исследований наших предшественников.

Статус тувинцев-тоджинцев

В 1993 году произошло официальное «отделение» жителей Тоджи от остальной части тувинского населения и они получили статус малочисленного коренного народа Российской Федерации. Этому способствовало следующее обстоятельство. Тоджинцы, по мнению многих российских и зарубежных исследователей, с исторической, культурной и этнической точек зрения ближе к другим этническим группам, населяющим Восточные Саяны, чем к тувинцам, проживающим в центральной, западной и южных степных зонах Тувы, хотя в бытовом сознании они воспринимаются как часть тувинского этноса.

Наличие в Тодже благоприятных условий для оленеводства привело к тому, что здесь возникли четыре близкородственные группы олене-

водов и охотников, населяющие четыре сектора Саянского перекрестка. Это тоджинцы в юго-западном секторе, тофалары в Иркутской области на северо-западе, туха или цаатаны в северо-западной Монголии в юго-восточном секторе перекрестка и сойоты в Республике Бурятия в северо-восточном секторе. Все эти народы населяют узкую переходную зону между сибирской тайгой и степями Внутренней Азии и представляют собой ядро Южно-Сибирского и Монгольского оленеводческого комплекса (см.: Donahoe, Plumley, 2001). Все они говорят на очень близких диалектах тувинского языка. Хотя следует заметить, что тувинский язык все же является первым языком для всех тоджинцев. Их местный диалект, который исследователи считают «наиболее обособленным и интересным из всех тувинских диалектов» (Сат, 1987: 73), постепенно исчезает и уступает место более стандартному центральному диалекту, который распространяется через средства массовой информации и систему образования.

Помимо статуса малочисленного коренного народа РФ тоджинцы также считаются этнографической группой тувинского населения. Согласно теоретическим разработкам российских этнологов Р. Г. Кузеева и В. Я. Бабенко, все многообразие этнических общностей сведены к двум основным, базовым типам подразделений этноса — этнографическим и этническим группам, которые «являются основными родовыми понятиями этнических образований, таксономически низшего порядка, чем этнос» (Кузеев, Бабенко, 1992: 17).

Согласно предложенной классификации, как этнографические, так и этнические группы являются подразделениями этноса и в этом качестве обладают, в пределах общих свойств этноса, определенным языковым и культурным своеобразием. Различает же их такой существенный признак, как территория формирования и функционирования. Этнографические группы, по Р. Г. Кузееву и В. Я. Бабенко, складываются на основной этнической территории и не изолированы от этнического ядра, что весьма существенно. Будучи органической частью материнского этноса, этнографические группы участвуют в процессе его консолидации в более сплоченную общность, в том числе и национальную, т. е. участвуют в поступательном этнокультурном развитии этноса, общим результатом которого является постепенная нивелировка локальных особенностей и слияние с преобладающей, наиболее крупной и развитой этнической общностью. Другими словами, под этнографической группой следует понимать внутренние части этноса, отличающиеся от основного массива определенными особенностями в языке, в материальной и духовной культуре,

однако функционирующие в территориальных рамках материнского этноса и участвующие в процессах внутриэтнической консолидации (там же: 18–19).

Тувинцы-тоджинцы полностью соответствуют этим характеристикам.

Численность тоджинцев

В советское время при переписи населения оленеводов-тоджинцев

не выделяли в отдельную этнографическую группу, поэтому установить их численность было невозможно. Однако, по данным местной статистики, в 1997 г. их насчитывалось на территории Азасской администрации — 1454, Ийской — 1379, Сыстыг-Хемской — 228, Чазыларской — 158 чел. Это составляло около 5 % всех тувинцев.

В настоящее время тоджинцев насчитывается 4442 человек. Основная их часть проживает в четырех населенных пунктах, расположенных в северо-восточной части Тувы. Это деревни Адыр-Кежиг с населением 1127 человек, Ий (1141), Хам-Сыра (156) и Сыстыг-Хем (187). Еще 200 тоджинцев числятся как проживающие в тайге, на территориях, входящих в состав Ийской и Азасской сельских администраций. В число жителей Тоора-Хема, административного центра Тоджинского кожууна, входит 2727 человек. Среди них, несомненно, есть тувинцы-тоджинцы, однако в связи с тем, что Тоора-Хем не отнесен к районам проживания малочисленных народов, данных по их численности не имеется (Донахо, 2008: 186).

Кризис в оленеводстве

Традиционное оленеводство тувинцев-тоджинцев относится к саянскому типу, для которого характерно использование оленя под седло и выюк, при этом применяются конское седло со стременами и тремя подпругами, особое детское седло и вьючное седло, при езде используется палка. Стадо оленей пасется вольно без пастушеской собаки и постоянного присмотра пастуха. Результаты многих исследований показали, что саянский тип оленеводства, сложившийся в этом регионе, возник под влиянием коневодства тюрко-монгольских народов и потому максимально приближен к нему (Итс, 1991: 110; Рассадин, 2000: 17).

В советское время, начиная с конца 1940-х годов, когда в Тодже были созданы три колхоза, оленеводство как вид экономической деятельности развивалось и распространялось гораздо шире, чем сейчас. Однако в 1980-х годах здесь была предпринята неудачная попытка получить доход от оленеводческих хозяйств путем ежегодного срезания оленьих пантов для продажи их на рынках Восточной Азии. К сожалению, эта практика оказалась губительной для здоровья животных, она привела к массовому вымиранию оленей. Их падеж достиг максимума в 1996 г., когда вымерло 400 голов, после чего срезание пантов было прекращено. Оленеводческие хозяйства к этому времени оказались не способны выживать самостоятельно.

Распад СССР сказался на них самым неблагоприятным образом. Оленеводы, находившиеся до этого на государственном обеспечении, буквально в одночасье лишились самых необходимых вещей: снегоходов, моторных лодок, брезентовых палаток, нарезных ружей для охраны стад от волков, вездеходной техники для вывоза продукции и организации хозяйственной деятельности общин, оборудования для переработки и хранения продукции таежного промысла, горюче-смазочных материалов, комбинированных кормов и т. д. Пункты сбыта таежной продукции также были ликвидированы. Ослабла и ветеринарная помощь. Если в советское время ветнадзор осуществлял дипломированный специалист — совхозный ветеринар, то в постсоветское эта служба прекратила свое существование, в результате чего многие олени стали умирать от болезней, которые можно было бы предотвратить. А народные методы их лечения к тому времени были полностью утрачены. Ряд торговых предприятий и организаций, ранее обслуживавшие районы компактного проживания оленеводов товарами первой необходимости, прекратили свою деятельность. А сами оленеводы по несколько лет не получали заработной платы. В сложившейся ситуации экономического кризиса и безудержной инфляции они вынуждены были забивать оленей, чтобы прокормиться самим или получить наличные деньги от продажи оленины.

В совокупности все эти факторы привели к катастрофическому обнищанию тувинцев-тоджинцев и резкому сокращению оленьих стад — от 14000 голов в 1982 г. до 1100 — в 2001 г. (Донахо, 2008: 197–198).

Социально-экономическое положение

По данным министерства здравоохранения республики, в Тоджинском районе в 1995 г. рождаемость снизилась по сравнению с 1994 г. на

42,6%, смертность увеличилась на 30 %. В 1995 г. естественный прирост у них составил 25 человек, в 1996 г. — 23 чел. Резко выросла заболеваемость местного населения.

Кроме того, переход к рыночным отношениям резко обострил ситуацию с занятостью населения. Особенно заметно это стало в небольших населенных пунктах, где в связи с реформированием аграрного комплекса произошло огромное сокращение рабочих мест. Большинство состоящих на учете в службе занятости оказались молодые люди до 30 лет. В Тоджинском районе они составили 43,3%. Безработица привела к оттоку высококвалифицированных специалистов и молодежи в город. По данным 2002 г., только 659 тоджинцев имели постоянную работу.

Так, тувинцы-тоджинцы оказались на грани катастрофы; вопрос их выживания и сохранения как самобытной этнографической группы с присущими ей особенностями хозяйства и культуры, как никогда встал остро. В связи с

этой ситуацией в июне 1995 г. Президентом Республики Тыва был принят указ «О мерах по развитию оленеводства в республике». Указом предусматривалось, что поголовье оленей, имеющих в сельскохозяйственных предприятиях и общинах, являются их коллективной соб-

ственностью, и приватизации не подлежит. Общинам временно в течение трех лет запрещалось сдавать оленей государству, забивать их на внутрихозяйственные нужды и выдавать в качестве натуральной оплаты.

В 2000 г. в одном из оленеводческих стойбищ побывала тогдашний министр по делам социального развития Российской Федерации Валентина Матвиенко. Одной из основных жалоб, услышанных ею от оленеводов, было плохое состояние их палаток и отсутствие новых. Вскоре после ее визита по указанию федерального правительства оленеводам достави-

ли 1000 метров брезента. Этого оказалось достаточно для изготовления только 20 палаток. Однако гораздо важнее было то, что с 2001 г. все оленеводы получают ежегодную субсидию, размеры которой зависят от размера оленьего стада. Сначала она была 350 руб. на одного оленя, а в 2004 г. повысилась до 500 руб. Оказалось, что такая субсидия — очень важный фактор для поощрения оленеводов и достаточно сильный стимул для развития оленеводства. Число домашних оленей несколько увеличилось с 1100 в 2000 г. до 1400 в январе 2005 г. (там же: 204).

Временную помощь жителям Тоджи оказывали некоторые международные организации. Например, французская неправительственная организация «Акция против голода» побывала здесь в 2000–2001 гг. и доставила продовольствие и одежду в помощь интернатам для детей оленеводов. Американская неправительственная организация «Totem Peoples Preservation Project» работала в регионе в начале 2000-х гг. Эта организация помогала оленеводам улучшить здоровье оленьих стад: доставляла им медикаменты, необходимые для ветеринарного надзора, осуществляла другие необходимые поставки, а также организовывала подготовку ветеринаров.

Создание родовых общин

В 2004 г. Великим Хуралом Республики Тува был принят закон «О родовой общине коренного малочисленного народа тувинцев-тоджинцев», который призван решать главную проблему, а именно установление и обеспечение государственной защиты исконной среды обитания жителей Тоджинского кожууна, а также их традиционного образа жизни и ведения хозяйства.

Этот закон предоставлял тоджинцам правовую защиту, которой у них до этого не было. Согласно ему, община управляется общим собранием, советом общины и председателем совета; она имеет право разрабатывать устав и иметь свое имущество; несколько общин могут объединяться в союзы (ассоциации) и иметь преимущественное право на территории традиционного природопользования; общины также имеют право на соблюдение религиозных обрядов, создание собственных культурных центров. Вопросы землепользования общины и его собственности регулируются Земельным и Гражданским кодексами. Была также создана Ассоциация общин тувинцев-тоджинцев «Тос Чадыр», президентом которой является коренная тоджинка Светлана Демкина. В ней состоит около 1100 индивидуальных членов, пять родовых общин — «Сыстыг-Хем», «Улуг-Даг»,

«Одуген», «Хам-Сара», «Тере-Хол». Наши информанты Кырганаи являются членами общины «Одуген».

Для координации деятельности оленеводческих хозяйств на федеральном уровне была создана Ассоциация коренных малочисленных народов

Севера, Дальнего Востока РФ; ее председателем является Сергей Харючи (Ямал). Основная задача Ассоциации состоит в сохранении численности оленей, проведению селекционной работы и созданию племенного стада в регионах, где местное население традиционно занимается

олeneводством. Этому занятию, которое по-прежнему считается почетным и уважаемым, обучают как в профессионально-техническом училище в Тоора-Хеме, так и в престижном Институте северного оленя в Якутске, в Республике Саха-Якутия.

Духовная культура

Несмотря на сложности судьбы, тувинцы-тоджинцы до сих пор продолжают сохранять все основные элементы своей традиционной культуры — язык, обычаи и обряды, нормы поведения, традиционные праздники и обряды. У них широко бытуют устное поэтическое творчество различных жанров, традиционная музыкальная культура. Актуальным остается и шаманизм, который проявляется в многочисленных обрядах, основа которых — демонстрация уважения к духам-хозяевам местности (тув. *чер ээзи*).

Еще Каррутерс отмечал, что «урянхаец в своем простодушном и несложном веровании видит себя постоянно со всех сторон окруженным какими то тайнами и всегда переживает ощущение чего то сверхъестественного»; если встречается ему на пути какая-нибудь преграда, вроде реки, которую надо перейти, или горы, которые нужно перевалить, «поклонник

природы» обязательно прибегает к умилованию духов местности. Он же отметил приверженность тоджинцев к буддизму. Члены его экспедиции посетили Овгон хурэ, который располагался в «весьма удобной местности, густо населенной урянхайцами» и представлял собой «главный религиозный центр всей округи», т. е. Тоджи. Храм оказался «замечательным строением, отличавшимся необычайным смешением китайского и русского архитектурных стилей»; рядом с ним находилось множество бревенчатых домов, в которых жили монахи и молодые послушники; недалеко располагались так называемые «молельные колеса» (цилиндрические барабаны для вращения. — М. М.) и возвышалась башенка, с которой ламы созывали свою братию на молитву. Рядом с храмом находилась резиденция нояна — главы клана Тожу (Каррутерс, 1914: 157–160).

Позиции шаманизма и буддизма с тех пор практически не изменились. Тоджинцы мечтают о строительстве храма в своем кожууне: они на добровольные пожертвования возвели субурган на самом высоком месте Тоора-Хема. Шаманские обряды совершались у них нелегально даже в советские времена. И вера в духов-хозяев местности до сих пор остается незыблемой.

Во время нашей экспедиции в Тодже, мы каждый раз становились свидетелями того, как быстро и резко менялась погода. Если только что светило солнце, то через 15 минут уже лил проливной дождь. Так происходило каждый раз, когда мы запрягали лошадей и отправлялись из одного пункта назначения в другой. Обильный ливень, размытые дороги в условиях суровой тайги сильно затрудняли наше передвижение. Местные проводники, имеющие опыт работы и с другими зарубежными экспедициями, уверяли нас в том, что так обычно реагируют духи-хозяева местности на посторонних людей.

До сих пор актуальны у тоджинцев охотничьи и промысловые обряды. Например, собираясь на охоту, охотники всегда обращаются к духу-хозяину местности с просьбой даровать им крупного зверя, например, марала. Духу-хозяину они преподносят первый кусок сваренного мяса; ему же достаются первые брызги утреннего чая. Если же охота оказывается неудачной, охотник думает, не обидел ли он духа-хозяина местности, не нарушил ли он сложившиеся доверительные отношения с ним. В последнем случае подразумевается нарушение определенных запретов, например, охотники вообще не должны охотиться, не должны рубить деревья, не должны ставить лагерь для ночевки в местах, которые считаются священными.

Существует также запрет убивать некоторых животных, особенно животных белого цвета или обладающих необычными приметами. Помимо этого, нельзя убивать больше того, что необходимо. Вольное или невольное нарушение всех этих запретов, по мнению тоджинцев, может вызвать гнев духа-хозяина местности (Донахо, 2008: 193–195).

Проблемы браконьерства

Следует заметить, что ощутимые различия между тоджинцами и другими этническими группами в их отношении к природным ресурсам и особенно к охоте на диких животных иногда приводят к межэтническим трениям. Например, тоджинцы обвиняют русских в том, что те охотятся не по правилам и стреляют без разбора во всех животных, которые им попадаются. В качестве довода приводится следующий аргумент: если русский видит пять маралов, он убьет их всех, потом возьмет панты и гениталии, а все остальное оставит гнить; тоджинец же убьет одного и целиком его использует, а остальных не тронет. Однако эта проблема стоит не только между тоджинцами и русскими, но и между тоджинцами и прочими тувинцами, приезжающими в Тожду из других кожуунов для коммерческой охоты и рыболовства (Тюркские народы, 2008: 196).

По наблюдениям Б. Донахо, крайне важные для тоджинцев ресурсы диких животных, которые являются для них главным источником животного белка и дохода от продажи пушнины, в последнее время истощаются браконьерами в целях контрабандной торговли органами животных на «черном рынке». В числе других угроз — разрушение среды их обитания добывающей промышленностью, в первую очередь связанной с добычей золота и лесозаготовками, а также соблазн получения легкой прибыли от охотничьего туризма, организуемого для иностранных клиентов. Противостоять этим угрозам, по мнению ученого, можно, лишь предоставив оленеводам необходимые гарантии того, что они смогут продолжать заниматься охотой в целях жизнеобеспечения, что их земли будут защищены законом от приватизации и дальнейшего использования в промышленных целях, что охота некоренных жителей на территории Тоджинского кожууна будет запрещена. В противном случае исчезновение оленеводства и связанных с ним образа жизни приведет к сокращению невозвратимого биологического разнообразия и утрате уникального культурного наследия (Донахо, 2008).

Список литературы:

- Донахо, Б (2008) Тувинцы-тоджинцы: очерк современной культуры // Тюркские народы Восточной Сибири / отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Алексеев. М. С. 186–204.
- Итс, Р. Ф. (1991) Введение в этнографию. Л.
- Каррутерс, Д. (1914) Неведомая Монголия. Ч. I. Урянхайский край. Пг.
- Кузеев, Р. Г., Бабенко, В. Я. (1992) Этнографические и этнические группы (К проблеме гетерогенности этноса) // Этнос и его подразделения. М. С. 17–38.
- Рассадин, И. В. (2000) Особенности традиционной материальной культуры саянских оленеводов-тофаларов // Этнологические исследования. Вып.1. Улан-Удэ. С.131–147.
- Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев. Конец XIX – начало XX века (2003) / предисловие и комментарий А. К. Кужугет. Кызыл.
- Тюркские народы (2008) // Тюркские народы Восточной Сибири. М.
- Сат, Ш. Ч. (1987) Тыва диалектология. Кызыл. — на тув. яз.
- Отзыв о труде Д. Каррутерса лорда Керзона (2007) // Каррутерс Д. Неведомая Монголия / Урянхай. Тыва дептер : в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М. : Слово. Т. 4. Урянхайский край: перекресток мнений (конец XIX – начало XX в.). С. 12–14.
- Donahoe, B., Plumley, D. (2001) "Requiem or Recovery: The 21st-Century Fate of the Reindeer-Herding Peoples of Inner Asia" // Cultural Survival Quarterly (25:2). P. 75–77.

ABOUT TWO EXPEDITION TO TODZHA

M. V. Mongush

Abstract: The article is about two scientific expeditions to Todzha district of the Republic of Tuva. The first one is an English expedition under the direction of D.Carruthers that took place in 1910; the second is an international expedition under the direction of Japanese professor Y.Konagaya in 2012. Author compares the results of these journeys, and also investigates the features of way of life and culture of Todzha reindeer breeders.

Keywords: Tuva, Todzha people, reindeer breeders, scientific tourism, expedition of Carruthers, small ethnic groups of Siberia.